

Russian
State University
for the Humanities

● **Orientalia**
et **Classica**
Papers of the Institute of Oriental
and Classical Studies

Issue XXXIII

Classics ...and beyond

*In Honor
of Nina Vladimirovna
Braginskaya*

Moscow

2010

Российский
государственный гуманитарный
университет

● **O**rientalia
et **C**lassica

Труды Института восточных культур
и античности

Выпуск XXXIII

Классика ...и не только

*Нине
Владимировне
Брагинской*

Москва

2010

УДК 800(08)
ББК 80я43
К 47

Orientalia et Classica:
Труды Института восточных культур и античности

Выпуск XXXIII

Под редакцией И. С. Смирнова

Составители:
Николай Павлович Гринцер
Елена Петровна Шумилова

Художник Михаил Гуров

СОДЕРЖАНИЕ

NB (И. С. Смирнов)	11
--------------------------	----

Классика...

<i>Н. П. Гринцер. «Ифигения в Авлиде» — трагедия имени</i>	19
<i>Д. О. Торшилов. Две аллегорические схемы раннего стоицизма и традиция комментирования «Теогонии»</i>	48
<i>М. М. Сокольская. Эзоповы басни Сократа (к Phaedo 60b)</i>	58
<i>А. А. Россиус. Сократический напиток</i>	66
<i>А. С. Ванюков. Интеллектуальный стиль Ксанфа в «Жизнеописании Эзопа»</i>	84
<i>Е. В. Илюшечкина. Сакральная география Южного Понта у Дионисия Перизгета</i>	103
<i>О. М. Савельева. История одного греческого «подозрения»: от подозревать к подразумевать</i>	124
<i>И. А. Протопопова. Иероглифика как топос античной литературы</i>	136
<i>А. В. Подосинов. О семантике латинских этнонимов с суффиксом -is</i>	158
<i>М. С. Касьян. Pictura loquens. Риторические ламентации как композиционный прием в «Сатириконе» Петрония</i>	173
<i>Е. В. Антонец. К проблеме интерпретации выражения transversa charta у Светония (Suet. Iul. 56)</i>	196
<i>П. П. Шкаренков. Нетрадиционность традиции: история и литература в сочинениях Венанция Фортуната</i>	202
<i>В. Г. Мостовая. Русские переводы Катутла в XX веке: Carmen XXVII</i>	228
<i>Т. Ф. Теперик. Лоренцо Валла — читатель «Энеиды» и «Фарсалии»</i>	241

...и не только

А. Н. Коваль. «Бескостный»: к проблеме традиционного комментария к сакральным текстам (на примере Атхарваведы).....	257
И. Г. Матюшина. Ссора королей в древнегерманской словесности	281
Т. А. Михайлова. Античные образы на котле из Ютландии: мифические животные — поливалентность и/или «пустота» символа?	325
С. Ю. Неклюдов. На земле, в небесах и на море: заметки о «семантических пространствах» мифа	338
Г. А. Левинтон. Но так похоже на блаженство	360
Н. М. Перлина. О стихотворениях Мандельштама «Ариост» 1933 и 1935 годов	376
С. Н. Зенкин. Огненный пупок.....	400
Н. С. Автономова. «Наука» и «творчество»: метаморфозы антиномии	411

Публикации

Книга Руфи. Глава первая. Комментированный перевод А. И. Шмаиной-Великановой.....	425
Мануил Фил (1270–1345). О растениях. Роза. Перевод О. Смыки.....	458
А. Ю. Виноградов. Суд Домициана. Acta Iohannis Romae и Vita Apollonii Tyuansis.....	462
Н. Н. Казанский. Из истории классического образования в России.....	470
Библиография научных работ Н. В. Брагинской. Составитель Н. Ю. Костенко	482

CONTENTS

NB (<i>Ilya Smirnov</i>)	11
----------------------------------	----

Classics...

<i>Nikolai Grintser. Iphigeneia in Aulis — the Tragedy of Name</i>	19
<i>Dmitry Torshilov. Two Allegorical Patterns in Early Stoicism and the Tradition of Commentary to the Theogony</i>	48
<i>Maria Sokolskaya. Aesopic Fables of Socrates (Phaedo 60b)</i>	58
<i>Andrei Rossius. Socratic Drink</i>	66
<i>Andrei Vanyukov. The Intellectual Style of Xanthus in the Life of Aesop</i>	84
<i>Ekaterina Ilyushechkina. The Sacral Geography of Southern Pontus by Dionysius Periegetes</i>	103
<i>Olaga Savelyeva. The History of Greek ‘Suspicion’: from ‘To Suspect’ towards ‘To Imply’</i>	124
<i>Irina A. Protopopova. Hieroglyphics as Topos of Classical Literary Genres</i>	136
<i>Alexander Podossinov. On the Semantics of Latin Ethnonyms with the Suffix -ic</i>	158
<i>Maria Kasyan. Pictura Loquens: Rhetoric Lamentations as Compositional Device in Petronius’ Satyricon</i>	173
<i>Ekaterina Antonets. To the Interpretation of the Expression transuersa charta by Suetonius (Suet. Iul. 56)</i>	196
<i>Pavel Chkarenkov. An Untraditional Tradition: History and Literature in the Works of Venantius Fortunatus</i> ...	202
<i>Vera Mostovaya. Russian Translations of Catullus in the XXth Century: Carmen XXVII</i>	228
<i>Tamara Teperik. Lorenzo Valla Reading the Aeneid and the Pharsalia</i>	241

...and Beyond

<i>Andrei Koval</i> . The 'Boneless One': upon the Tradition of Commentary to Sacred Texts (the Case of <i>Atharva-Veda</i>)	257
<i>Inna Matyushina</i> . The Quarrel of Queens in Old Germanic Diction	281
<i>Tatyana Mihailova</i> . The Classical Images on the Cauldron from Jütland: Symbolic Polyvalence or 'Emptiness'?	325
<i>Sergey Neklyudov</i> . On the Earth, in the Sky, and in the Sea: Notes on the "Semantic Space" of Myth	338
<i>Georgiy Levinton</i> . But Very Close to a Bliss	360
<i>Nina Perlina</i> . On Mandelstam's Poems <i>Ariost</i> of 1933 and 1935	376
<i>Sergey Zenkin</i> . A Fiery Numen	400
<i>Natalia Avtonomova</i> . 'Scholarly' and 'Creative' Work: Metamorphoses of an Antinomy	411

Publications

The Book of Ruth. Chapter I. Translated with Notes by Anna Shmain-Velikanova	425
<i>Manuel Philes</i> (1270–1345). On Plants. The Rose. Translated by Olga Smyka	458
<i>Andrei Vinogradov</i> . The Justice of Domitian: <i>Acta Iohannis Romae</i> and <i>Vita Apollonii Tyanensis</i>	462
<i>Nikolai Kazansky</i> . From the History of Classical Scholarship in Russia	470
Nina Braginskaya's List of Publications. Compiled by Natalia Kostenko	482

Две аллегорические схемы раннего стоицизма и традиция комментирования «Теогонии»

Д. О. Торшилов

*Нине Владимировне Брагинской
как издательнице наследия Я. Э. Голосовкера*

История аллегорического толкования мифов в Греции, в которой мы видим историю разрешения противоречий между образным и категориальным мышлением, выявление «логики мифа», была историей отношения греческой философии к греческой поэзии, уже — к канонизированной классике греческого эпоса¹. Хотя встречались и аллегорические толкования фактов ритуала, культовых изображений и местных преданий², основной вопрос всегда сводился к пониманию того, как встроить в то или иное рациональное (или считающее себя таковым) мировоззрение Гомера и Гесиода, которые воспринимались как основоположники национальной религии³, являлись залогом национального единства⁴ и фундаментом образовательной и культурной системы.

Проблема лучше всего характеризуется словами далекого от ее частностей Павсания. Рассказав о глотании Кроном своих детей, он добавляет: «Начиная свое сочинение, я по большей части относился к таким рассказам эллинов как к глупости, но, дойдя до описания Аркадии⁵, стал думать о них так: в древности те, кто считался у эллинов мудрецами, изъяснялись не прямо, но загадками, и в рассказах о Кроне стал считать, что [и] они есть какая-то мудрость. В том, что касается богов, будем руководствоваться сказанным»⁶. Будто бы наивные⁷ слова Павсания о самом себе описывают ситуацию возникновения греческой аллегории вообще: преодолевая первоначальное высмеивание и отрицание (у Ксенофана и Гекатея), аллегорическое толкование могло быть инструментом достижения разных целей: оправда-

ния эпоса (но все же при отрицании его буквального смысла), подкрепления собственных тезисов его авторитетом⁸, демонстрации единства поэзии и философии и др. Исходные точки (собственное учение философа или текст поэта) и цели аллегорической процедуры, о которых идут споры⁹, могли различаться даже в рамках одной школы. Для стоицизма в целом годятся в качестве общей формулировки целей аллегорезы предлагаемые К. Альгрой¹⁰ слова Филодема *συνοικειοῦν ταῖς δόξαις αὐτῶν* [sc. τῶν φιλοσόφων] τὰ παρὰ ποιηταῖς «связать или сроднить или приспособить или приобщить к собственным [философским] мнениям то, что есть у поэтов». Однако попытка уточнить и сжать эту формулу или хотя бы зафиксировать один из вариантов переноса глагола *συνοικειῶν* приведет к большим и вряд ли нужным трудностям. Процедуры аллегорической работы могли быть различны: в раннем стоицизме можно найти случаи, когда простое созвучие в словах Гомера наталкивало философа на натурфилософское умозаключение¹², но есть и примеры совершенно обратного: случаи наложения натурфилософской схемы на толкуемый эпический текст любой ценой.

Речь идет о применении четырехэлементной схемы при толковании Гесиода. Ясно, что то или иное объяснение «Теогонии» было свойственно греческой мысли еще до стоицизма; об этом свидетельствует, например, построенная как толкование «Теогонии» часть платоновского «Кратила» (396a–409b). Из схолий к Гесиоду и к Аполлонию Родосскому известно, что Зенон из Кития давал аллегорико-этимологические толкования списку первоначал из «Теогонии» Гесиода (116–120):

ἦτοι μὲν πρόπιστα Χάος γένετ'· αὐτὰρ ἔπειτα
 Γαῖ' εὐρύστερνος, πάντων ἕδος ἀσφαλὲς αἰεὶ
 ἀθανάτων οἳ ἔχουσι κάρη νιφέροντος Ὀλύμπου,
 Τάρταρά τ' ἠερόεντα μυχῷ χθονὸς εὐρουοδείης,
 ἦδ' Ἔρος, δὲ κάλλιστος ἐν ἀθανάτοισι θεοῖσι...

Так вот, в самом начале был Хаос [букв.: бездна¹³], а затем Широкогрудая Гея [букв.: земля], вечно неколебимый устой всех Бессмертных, которые держат вершины снежного Олимпа[,] И Тартар темный [букв.: воздушный, туманный] в глубине широкодорожной почвы,

И еще Эрот [букв.: любовь], прекраснейший среди бессмертных богов...

Hes. Theog. 116–120

Зенон, в соответствии со стоической четырехэлементной космогонией и натурфилософией, толковал этот список так:

Перво-начало	Элемент	Объяснение
Хаос	Вода	ἀπό τοῦ χεῖθραι, от «течь»; стоический огонь сначала весь переходит в воду, которая потом диссоциируется на остальные стихии
Земля	Земля	—
Тартар	Воздух	ἀπό τοῦ τάρταρον, от «колебаться, возмущаться»; к тому же он назван Гесиодом ἠρόεις; воздух окружает землю со всех сторон, потому можно сказать, что он «под» землей
Эрот	Огонь	πυρῶδέστερον γὰρ πάθος ὁ ἔρως «ведь любовь — огненная страсть»

Схема восстанавливается на основании фрагментов Зенона 103–105 (по Арниму) и неатрибутированных фрагментов стоиков SVF II 430 и SVF II 563. Два последних атрибутировал Зенону и присоединил к первым Дэвид Хэйм¹⁴. Тартар, толкуемый как воздух, упоминается только в них. Критике атрибуции Хэйма, а также того, что у Зенона было такое отдельное сочинение, как комментарий к «Теогонии» (обозначенный у Арнимом), посвятил статью Кеймпе Альгра¹⁵. Следует напомнить, что позиция Тартара как отдельного «первоначала» в самих гесиодовских строках также дискуссионна: предполагается либо позднейшая вставка (хоть бы и самим автором) стихов 118–119, либо то, что Τάρταρα — винительный падеж, зависящий от ἔχουσι параллельно с κάρη (владеют... Олимпом и Тартаром), либо, даже если это именительный, что присоединение через τε все равно делает строчку приложением к упоминанию Геи (Гею... с Тартаром)¹⁶. Однако на основании упоминаний Тартара как самостоятельного «пункта» в списке первоначал Мусея (В 4 DK) и Аристофана в «Птицах» (693) можно вместе с Вестом сделать вывод в пользу традицион-

ного понимания. Самая изящная грамматически интерпретация (винительный, зависящий от ἔχουσι) упирается в то, что у Гесиода в Тартаре живут не боги. В любом случае, даже независимо от интерпретации текста Гесиода, аристофановский список свидетельствует, что Тартар мог пониматься как равноправный пункт в списке первоначал уже в классическое, тем более в эллиновское время.

Опасные для «четверного» понимания списков Гесиода и Зенона отрывки из Платона и схолий к Аполлонию, на которых останавливает внимание Альгра¹⁷, вполне могут быть истолкованы без ущерба для версии Хэйма. В схолиях к Аполлонию говорится: καὶ Ζήνων δὲ τὸ παρ' Ἠσιόδου χάος ὕδωρ εἶναι φησιν, οὗ συνιζάνοντος ἰδὺν γίνεσθαι, ἧς πηγνυμένης ἢ γῆ στερεμνιοῦται: τρίτον δὲ ἔρωτα γεγυμένα καθ' Ἠσιόδου, ἵνα τὸ πῦρ παραστήσῃ πυρῶδέστερον γὰρ πάθος ὁ ἔρως «и Зенон говорит, что хаос, который у Гесиода, это вода; когда он сгущается, получается ил, а когда ил уплотняется, то затвердевает в землю; третьим же [или: в-третьих] появляется Эрот у Гесиода, чтобы [таким образом ему] представить огонь; ведь любовь — страсть огненная»¹⁸. Даже если вместе с Альгрой отвергнуть понимание Хэйма (третий «в-третьих, в результате третьей метаморфозы первоэлемента»), можно обратить внимание на полный текст схолии и мотивацию схолиаста, целью которого не было точное цитирование ни Гесиода, ни Зенона. Схолиасту нужно объяснить слова Аполлония о возникновении мира *εἰκελός ἐξ ὀλοοῖο* «из губительной вражды», и с этой целью сначала он обращается к самому очевидному объяснению, учению Эмпедокла, а потом добавляет, что и учение Гесиода, истолкованное Зеноном, этому не противоречит: для этого схолиаст делает акцент на противоположных и враждующих друг с другом воде и огню и поэтому поспешно переходит к огню-Эроту, пропустив детали. Схолиасту важны именно вода (отчего упомянут еще Фалес) и огонь для объяснения слов Аполлония. Приблизительностью и желанием быстрее перейти к Эроту, прямому объекту энкомия, может быть объяснен пропуск мрачного и малопонятного Тартара и в речи Федра в «Пире» Платона (178b); Федр, в конце концов, не филолог, не мифограф и не натурфилософ.

Таким образом, в целом мы принимаем трактовку Хэйма. Тартар вполне мог быть в списке во время Зенона и мог им трактоваться. Даже если это не так, кто-то потом все же доба-

вил толкование, необходимо завершающее четырехэлементную схему. Вскоре после Зенона Кратет из Маллоса понимает Тартар как воздух¹⁹.

Острые критики Альгры направлено не на наличие Тартара в списке, но на наличие у Зенона специального комментария к «Теогонии» и того предположения, что комментарий этот был построен филологически, построчно, а исходная точка занятий Зенона — текст Гесиода. Цель аллегорезы, утверждает Альгра, *συνοικειοῦν ταῖς δόξαις ἡμῶν τὰ παρὰ ποιηταῖς*, предполагает, что главное и исходное — *δόξαι*, учение философской школы, а *τὰ παρὰ ποιηταῖς* — вторично и инструментально. Но именно если это так, было бы весьма странным ввести в некую схему три элемента и оставить четвертый, воздух, «подвешенным в воздухе». Интенции Альгры кажутся верными (сочинение Зенона, в котором было дано обсуждаемое толкование, вряд ли выглядело как построчные схолии), но выводы гиперкритическими.

Косвенным свидетельством именно такого способа работы стоических аллегористов — приравнивания списка к списку — является другая схема, следы которой можно найти у Корнута в трактате «О природе богов» (сокращенный вариант есть в «Аллегориях» Псевдо-Гераклита Эфесского). Насколько мы можем судить, она до сих пор не замечена комментаторами. На этот раз с четырьмя элементами отождествляются шестеро детей Крона и Реи:

Ῥεῖη δὲ Δημητῆϊσα Κρόνῳ τέκε φαίδιμα τέκνα,
 Ἰστίην Δήμητρα καὶ Ἥρην χρυσοπέδιλον,
 Ἰφθυμόν τ' Αἰδην, ὃς ὑπὸ χθονὶ δώματα ναίει
 νηλεὲς ἦτορ ἔχων, καὶ ἐρίκτυλον Ἐννοσίγαιον,
 Ζηνά τε μητιόεντα, θεῶν πατέρ' ἠδὲ καὶ ἀνδρῶν

Рея же, покорившись Крону, родила блистательных дочерей
 Гестию, Деметру и Геру в золотых сандалиях,
 И сильного Аида, который живет под землей
 И сердце его безжалостно, и многоручного Энносигаиона,
 И Зевса промыслителя, отца богов и людей

Нес. Theog. 453–457

Рея, которая у Хрисиппа понималась как земля (потому что по ней текут воды, *ρεῖ ὕδατα* — SVF II 1085), была истолкована кем-то из стоиков как сам космогонический процесс диссоциа-

пии (ῥύσις) элементов (а ее муж Крон как время-χρόνος, в котором идет процесс диссоциации). Это толкование мы видим и у Корнута, и у Гераклита²⁰. Гераклит продолжает его, говоря, что огонь — это небо (подразумеваемая Зевса, толкование которого как огня слишком распространено, чтоб его оговаривать), вода — Посейдон, воздух, который не светится (ἀφώτιστος), — Аид, а земля — общая для всех, как сказано в гомеровских стихах о разделе мира тремя упомянутыми братьями: γαῖα δ' ἐστὶ ξυνή πάντων καὶ μακρὸς Ὀλύμπος (О 193). Именно гомеровский миф — объект толкования Гераклита.

Но у Корнута есть следы другой аллегорической схемы, объектом которой был список шести детей Реи, т. е. список гесиодовский. В этой схеме принимается общее для стоицизма понимание Зевса как мирового огня²¹ и понимание Посейдона как воды (с этимологией от ποσίν διδόναι «давать питье»)²². отождествление Геры с воздухом, столь же обычное в греческой традиции²³ из-за игры букв ΗΡΑ — ΑΗΡ, а для аллегориста подкрепленное еще мифом о ее подвешивании Зевсом²⁴, наталкивается на то, что Аид тоже толкуется как воздух (из-за традиционной этимологии «невидимый»). Это толкование не столь распространено, но и не единично²⁵.

Мы полагаем, что на помощь аллегористу приходит исходная идея диссоциации, распределения по густоте-разреженности и по вертикали одновременно (густое опускается, легкое и разреженное поднимается). Рождается объяснение, что Аид — это особенно густой и потому близкий к земле воздух (ὁ παχυμερέστατος καὶ προουεϊότατος ἀήρ²⁶). Толкование подкрепляется объяснением, что именно в него отлетают души умирающих²⁷. Соответственно, Гера остается воздухом более легким и высоким.

Оставшимся двум богиням, Деметре и Гестии, остается только один элемент, земля. Образ Деметры дает достаточно оснований для отождествления ее с землей: но как быть с Гестией? Объяснения Корнута таковы:

Ἐξῆς δὲ περὶ Δήμητρος καὶ Ἑστίας, ὧ παῖ, λεκτέον· ἑκάτερα δ' εἰκεν οὐχ ἕτερα τῆς γῆς εἶναι. ταύτην μὲν γὰρ διὰ τὸ ἐστάναι διὰ παντὸς Ἑστίαν προσηγόρευσαν οἱ παλαιοὶ [ἢ διὰ τὸ ταύτην ὑπὸ τῆς φύσεως ἐσωτάτω τεθεῖσθαι ἢ διὰ τὸ ἐπ' αὐτῆς ὡσανεὶ ἐπὶ θεμελίου τὸν ὄλον ἐστάναι κόσμον]...

Дальше, дитя, нужно сказать о Деметре и Гестии. И та и другая, похоже, не что иное, как земля. Древние называли ее Гестией из-за того, что она всегда стоит (ἑστάναι), или за-за того, что природой она положена совсем снаружи (ἑσωτότω), или из-за того, что на нее, словно на постамент, поставлена (ἑστάναι) вся вселенная...

Cornut. 52, 4–9

Надо полагать, неизвестным аллегористом был применен тот же принцип диссоциации по консистенции и вертикали. Гестия, на которой *стоит мир* и которая *совсем снаружи*, — это самая твердая и низкая земля, а Деметра — верхний, плодородный слой почвы, что вполне согласуется с ее традиционным образом. Можно отметить и то, что в случае с Гестией этимологизации подвергается совершенно понятное нарицательное существительное. Вероятно, Гестия была истолкована как земля только ради этой схемы, приравнивающей шестерых детей Реи к четырем элементам, но отождествление сохранялось; оно всплывает, например, у неоплатоника Саллюстия²⁸. Помощью толкователю неподвижности Гестии мог быть платоновский миф о том, что она единственная, кто не покидает их дома²⁹.

Таким образом была получена следующая схема:

Зевс	Огонь
Гера	Воздух высокий и легкий
Аид	Воздух густой и низкий
Посейдон	Вода
Деметра	Земля верхняя и легкая
Гестия	Земля нижняя и тяжелая

Трудно судить о времени происхождения этой схемы. Она возникла раньше Корнута, поскольку он приводит ее фрагментарно: он не излагает ее и, возможно, даже не задумывается о ней, но в нее ложится его материал. Она противоречит сведениям о толкованиях Хрисиппа (Рея-земля), но, между прочим, в силу учения о двукратной диссоциации первоогня может не противоречить описанной выше зеноновской. Мы мало знаем о толкованиях Клеанфа, но толкование может быть и моложе «отцов» стоицизма. Разница между этим толкованием и объяснением Гераклита не может дать оснований для датировки, потому

что это не стадийная и хронологическая разница, но разница объекта толкования: гомеровского мифа для Гераклита и гесиодовского списка для источника Корнута.

Примечания

¹ О постановке вопроса в таком аспекте см. классическую книгу: *Iuffière F. Les mythes d'Homère et la pensée grecque*. Paris, 1956. Или новее: *Struck P. T. Birth of the Symbol. Ancient Readers at the Limits of their Texts*. Princeton; Oxford, 2004; или сборник: *Allégorie des poètes. Allégorie des philosophes. Études sur la poétique et l'herméneutique de l'allégorie de l'Antiquité à la Réforme / Eds. D. Gilbert, R. Goulet*. Paris, 2005.

² *Χρυσινη. SVF II 1071–1075*; вероятно, многое в *περί θεῶν* Аполлодора Афинского (*Anneo Cornuto. Compendio di teologia Graeca // Saggio introduttivo e integrativo, traduzione e apparati di Maria Ramelli*. Milano, 2003. P. 474–476) и, безусловно, многое у Корнута (ср. о толковании у него не-литературных источников: *Rocca-Serra G. Cornutus: Abrégé des traditions relatives a la théologie grecque. Thèse dactylographiée*. Paris, 1988. P. 193).

³ Геродот: «Они сочинили элинам теогонию, дали богам имена, распределили между ними почести и занятия и указали их облик» (*οὔτοι δέ [sc. Ἡσίοδος καὶ Ὀμηρος] εἰσι οἱ ποιήσαντες θεογονίην Ἑλληνικαὶ τοῖσι θεοῖσι τὰς ἐπωνυμίας δόντες καὶ τιμὰς τε καὶ τέχνας διελόντες καὶ εἶδεα αὐτῶν σημήναντες — II 53*).

⁴ См., например: *Надь Г. Гесиод и поэтика панэллинизма // Греческая мифология и поэтика / Перев. Н. П. Гринцера. М., 2002. С. 59–117*.

⁵ Восьмая книга «Описания Эллады».

⁶ *Τούτοις Ἑλλήνων ἐγὼ τοῖς λόγοις ἀρχόμενος μὲν τῆς συγγραφῆς εὐηθείας ἔνεμον πλέον, ἐς δὲ τὰ Ἀρκάδων προεληλυθὼς πρόνοιαν περὶ αὐτῶν τοιάνδε ἐλάμβανον: Ἑλλήνων τοὺς νομιζομένους σοφοὺς δι' αἰνιγμάτων πάλαι καὶ οὐκ ἐκ τοῦ εὐθέος λέγειν τοὺς λόγους, καὶ τὰ εἰρημένα οὖν ἐς τὸν Κρόνον σοφίαν εἶναι τινα εἰκάζον Ἑλλήνων. τῶν μὲν διὴ ἐς τὸ θεῖον ἰκόντων τοῖς εἰρημένοις χρησόμεθα (Paus. VIII 8, 3)*.

⁷ На самом деле продуманные и являющиеся в некоторой степени данью стилистической игре «в Геродота», а в большей — выполнением поставленной задачи создать образ греческой культуры (см.:

Pfundtner I. O. Pausanias Periegeta imitator Herodoti. Diss. Königsberg, 1866; Heer J. La personnalité de Pausanias. Paris, 1979).

⁸ То, что Хрисипп называл «заручиться свидетельством» Гомера (κατελήφθαι μαρτυροῖς — SVF II 925).

⁹ Например: *Long A. A. Stoic readings of Homer // Homer's Ancient Readers. Princeton, 1992. P. 41–66; полемика с Лонгом: Gourinat J. B. Explicatio fabularum: la place de l'allégorie dans l'interprétation stoïcienne de la mythologie // Allégorie des poètes. Allégorie des philosophes... P. 9–34.*

¹⁰ *Algra K. Comments or commentary? Zeno of Citium and Hesiod's Theogony // Mnemosyne. 2001. Vol. 54. P. 562–581.*

¹¹ Philodem. de pietate, PHerc. 1428, col. vi, 16–26; ср. συνοικεῖωσις в смысле *аллегорическое толкование* (SVF II 1023).

¹² *Торшилов Д. О. Этимология и аллегория в толковании мифа (у досократиков и ранних стоиков) // София. Альманах. Вып. 2. Уфа, 2007. С. 236–238.*

¹³ О различных интерпретациях Хаоса см. комментарий Веста (*Hesiod. Theogony / Ed. with prolegomena and commentary by M. L. West. Oxford, 1966. P. 192–193*), а также: *Mondi R. Χάος and the Hesiodic cosmogony // Harvard Studies in Classical Philology. 1989. Vol. 92. P. 3 sqq.* Несмотря на различие интерпретаций, в общем прямом значении «пустота» можно быть уверенным.

¹⁴ *Hahn D. E. The Origins of Stoic Cosmology. Ohio, 1977. P. 79–90.*

¹⁵ *Algra K. Op. cit.*

¹⁶ Обзор мнений в комментарии Веста (p. 194–195) (см. примеч. 13).

¹⁸ *Algra K. Op. cit. P. 567.*

¹⁸ Sch. Apoll. Rhod. I 498 (p. 44, l. 4–7).

¹⁹ St. Byz. s. v. Τάρταρος.

²⁰ *Cornut. 3, 20 — 4, 10; 5, 11 sq., Heraclit. 41.* Цифры в ссылаках на Корнута обозначают страницу и строку издания Ланга. Пагинация Ланга приведена и в новейшем издании Рамелли (см. примеч. 2).

²¹ Зенон (SVF I 169); Клеанф (SVF I 534); *Cornut. 3, 15; Heraclit. 23;* и др.

²² Феаген из Регия (8 A 2 DK); *Cornut. 4, 10–13; Heraclit. 7; Clem. Alex. Protr. 49, 7.*

²³ Феаген, Эмпедокл (fr. 6 DK, A 23 DK); Зенон (SVF I 169); Клеанф (SVF I 534); *Plat. Crat. 404b; Cornut. 3, 16;* и др.

²⁴ Традиционно тоже толкуемый как изображение четырех элементов: Зевс — небесный огонь, Гера — воздух, две подвешенных к

ге погам наковальни — тяжелые элементы, вода и земля (*Cornut.* 26, 11 ввq.; *Heraclit.* 23; *Eustath. sch O* 19, p. 1003, l. 8; и др.).

²⁵ Эмпедокл (*Diog. Laert.* VIII 76; *Stob.* I 10 1, p. 121 Wachsmuth); Хрисипп (*SVF* II 1076–1077); *Heraclit.* 23; и др.

²⁶ *Cornut.* 4, 16–18.

²⁷ *Cornut.* 74, 5.

²⁸ *Sallust. de deis et mundo*, VI 5. Найденное у Саллюстия, оно имело негодование А. Ф. Лосева: «Но земля почему-то находится у него в ведении не Геи, но Гестии. Правда, согласно традиции, Гестия является мировым очагом и потому помещается в центре космоса. Но почему же Саллюстий так обидел Гею, которая если даже и не центр космоса, то, во всяком случае, является, и тоже согласно нерушимой традиции, матерью всех богов? Кроме того, у самого же Саллюстия Гестия занимает первое место среди богов-охранителей. Но какая связь Гестии-Земли с Гестией-охранительницей, об этом ничего не сказано» (Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. VII. Последние века. М., 1988. Ч. 3, 2. §2, 3). Причина этих безобразий — четырехэлементный принцип толкования гесиодовского списка.

²⁹ *Plat. Phaedr.* 247a. История античной эстетики. Т. VII. Последние века. М., 1988. Ч. 3, 2. §2, 3.